

А.Н. Чистиков

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТУРИСТ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТОВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТУРИСТСКИХ ГРУПП НАЧАЛА 1960-х гг.)

С середины 1950-х гг. количество жителей Советского Союза, получивших возможность знакомиться с достопримечательностями зарубежных стран, стало заметно увеличиваться. Толчком к этому послужило постановление ЦК КПСС «Об организации поездок советских граждан за границу», принятое 3 января 1956 г.¹ Значительную часть путевок в европейские страны народной демократии (будущие социалистические государства) ВАО «Интурист», занимавшееся выездным и въездным международным туризмом, реализовывало через профсоюзные органы. ВЦСПС ежегодно выделял краевым и областным советам профсоюзов определенное число путевок, которые затем через отраслевые профсоюзы распределялись на предприятия и в учреждения. После возвращения из путешествия руководитель туристской группы был обязан представить отчет. В Ленинграде он адресовался либо председателю облсовпрофа², либо в международный отдел Леноблсовпрофа³.

В ЦГА СПб сохранилось около ста пятидесяти подобных отчетов за 1960–1962 гг.⁴, не привлечших еще пристального внимания историков⁵.

¹ См.: ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 13. Д. 36. Л. 10.

² В 1960 г. председателем Ленинградского областного союза профессиональных союзов был А.А. Слепухин (См.: ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 853. Л. 79)

³ См.: Там же. Д. 851. Л. 8. Иногда в отчетах этот отдел именовался иначе: отдел международной связи Леноблсовпрофа. В сентябре 1961 г. его возглавлял С.У. Белоусов (См.: Там же. Д. 1066. Л. 28). Отчеты, в большинстве своем, — это подлинники, как машинописные, так и рукописные. Редкие копии отчетов снабжались пометой: «отправлен в Москву» (См., например: Там же. Д. 850. Л. 18–19). Можно предположить, что их посылали по профсоюзной же вертикали — в соответствующий отдел ВЦСПС.

⁴ Там же. Д. 849–854, 1066–1076, 1259–1263. Нами изучены 90 отчетов за 1960–1961 гг.

⁵ Аналогичные отчеты, отложившиеся в московских архивах, изучала канадская исследовательница А. Горсач (См.: *Anne E. Gorsuch. Time Travelers. Soviet Tourists to Eastern Europe // Turizm: The Russian and East European Tourist Under Capitalism and Socialism. Ithaca & London, 2006. P. 205–226*). Украинский мате-

Отчет писался по определенному плану в виде развернутого ответа на конкретные вопросы, в тексте не воспроизводившиеся, но явно подразумевавшиеся. Часть отчетов имеет рубрику, из которой видно, какие сведения интересовали главным образом профсоюзных чиновников: численность и состав группы; перечень объектов, с которыми ознакомились туристы по программе маршрута и сверх нее; недостатки в деятельности «Интуриста» и принимающей организации; квалификация гидов-переводчиков и экскурсоводов, уровень обслуживания в гостиницах и ресторанах, результаты встреч с населением и в этой связи наличие конфликтных ситуаций, включая случаи «неправильного поведения советских туристов»¹. В большинстве отчетов рубрикация отсутствует, но из содержания ясно, что авторы в основном также следуют этому порядку, с разной степенью полноты отвечая на предлагаемые вопросы.

Заданность структуры отчета сужает возможности исследователя по выявлению в источниках всего многообразия впечатлений советских туристов. Тем не менее из отчетов можно узнать, как туристы воспринимали памятники истории и культуры и другие достопримечательности, что их удивляло или поражало в поездке и в обслуживании на маршруте, как проходили их встречи с населением этих стран, насколько они были удовлетворены информацией, полученной от гидов и экскурсоводов.

Диапазон информации о полном или частичном выполнении программы был широк: от простой констатации выполнения до педантичного перечисления увиденных и посещенных объектов. Впечатлений об исторических памятниках, достопримечательностях, музеях и картинных галереях немного, поскольку для вышестоящей организации важнее было узнать: насколько предлагаемая программа совпала с реальной, чем мнение туристов. Тем ценнее эти редкие свидетельства для понимания, что действительно тронуло душу путешественника. Чаще всего — это предсказуемая реакция на памятники недавно закончившейся войны. «После посещения Бухенвальда у всех испортилось настроение, посмотрев и прослушав, какие зверства творили фашисты над польским, советским и другими народами»², — написала в отчете Г.Г. Смирнова, руководитель

риал анализировал украинский историк А.Д. Попов (См.: *Попов А.Д.* Радянські туристи за кордоном: ідеологія, комунікація, емоції (за звітами керівників туристських груп) // *Історична панорама: Зб. наук. статей.* Чернівці, 2008. Вип. 6. С. 49–56). Отчеты новгородских туристских групп анализировались в нашей статье (См.: *Чистиков А.Н.* Иностранцы туристы в Новгороде и зарубежные поездки новгородцев в 1950–1960-х годах // *Новгородика-2008. Вечерняя республика в истории России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* 21–23 сентября 2008 г. Ч. 2. Великий Новгород, 2009. С. 67–76).

¹ См., например: ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 850. Л. 8–14.

² Там же. Д. 851. Л. 40.

группы туристов, побывавших в августе 1960 г. в ГДР. Сходные чувства испытали ленинградские альпинисты-горнолыжники, ездившие в январе того же года в Польшу: «Очень сильное впечатление оставляет посещение Освенцима, напомнившего нам зверства фашистской Германии»¹. Почти обязательными были упоминания о посещении братских кладбищ, на которых покоились останки советских воинов, освобождавших Европу от фашизма. А вот реакция на сохранность этих памятных мест варьировалась от восхищенной до критической. «Глубоко взволновало нас всех, — сообщали в отчете о своей поездке в Польшу в июне 1961 г. ленинградские туристы, — то постоянное отношение польских друзей к увековечиванию и сохранению памятников, воздвигнутых в честь русских солдат, погибших при освобождении польской земли»². И совсем иную картину в октябре того же года увидела другая ленинградская группа в Румынии: «Памятники советским воинам по всей Румынии находятся без цветов, в том числе и в Бухаресте»³. Более пристальное внимание к посещению подобных памятных мест, по сравнению с другими, лежащими на маршруте, объясняется во многом тем, что не было среди туристов ни одного человека, не затронутого в той или иной степени войной.

Подавляющее большинство путешественников вполне удовлетворялось предлагаемыми маршрутами, однако порой они высказывали и свои претензии. К примеру, руководитель группы автотуристов, в основном научных работников из Арктического и Антарктического НИИ, А.Ф. Трёшников сетовал, что «в программе осмотра Праги и других городов уделяется непомерно много времени осмотру соборов». «Мы понимаем, — продолжал он, — что соборы — замечательные памятники архитектуры и зодчества, но когда их много, то это вызывает недоумение и досаду. В то же время знакомству с современностью уделяется очень мало внимания»⁴. От соборов логически ниточка вела к нынешнему состоянию религии в братских государствах. «Неприятное впечатление»

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 853. Л. 2.

² Там же. Д. 1069. Л. 6.

³ Там же. Д. 1070. Л. 23. Годом раньше группа ленинградских учителей, преподавателей и научных работников на пути из румынского города Брашев в Бухарест посетила одно из мест захоронения советских воинов. «Кладбище находилось в неприглядном состоянии (искривлены надгробные плиты, между могилами и у обелиска памятника лошадиный навоз), — написали они в отчете и добавили: — По этому поводу была написана докладная записка советскому консулу» (Там же. Д. 1072. Л. 24).

⁴ Там же. Д. 853. Л. 45. Почти такими же словами: «неинтересно и однобоко» — только «церкви, монастыри и кладбища» оценили экскурсию по Праге ленинградские туристы в сентябре 1960 г. «Совершенно не показывалась группе, — сетовали они, — промышленная, культурная, университетская Прага» (Там же. Л. 93).

на всю группу туристов в августе 1961 г. произвела обстановка в Польше: «Религиозный дух везде и всюду, влияние католической церкви там огромно»¹. Годом раньше — в 1960 г. — руководитель группы туристов, также выезжавших в Польшу, писал в отчете о неправильном поведении одного из участников поездки, который «несмотря на мои замечания и замечания отдельных товарищей, вступал в разговоры с населением о том, что в Польше очень много костелов и верующих (это было в автобусе и на вокзале в г. Кузнице), тем самым вызывал возмущение со стороны окружающих нас поляков»². На фоне активной антирелигиозной борьбы в СССР высокая религиозность партнеров по социалистическому блоку порождала, по меньшей мере, недоумение и вопросы. Впрочем, не все туристы ставили знак равенства между культовыми учреждениями и уровнем религиозности. Машиностроители из Ленинграда, побывавшие в феврале 1961 г. в действующем храме венгерского г. Дебрецен, остались довольны органной музыкой и великолепной акустикой храма и, судя по отчету, никак не отреагировали на сообщение настоятеля о том что 85% горожан являются кальвинистами³.

Закономерно, что внимание туристов часто притягивают объекты или явления, необычные для своей страны или малодоступные. Отсюда и равнодушное к ним отношение, что и было зафиксировано в отчетах. В Венгрии запомнилось доставлявшее «большое удовольствие» купание «в бассейнах и гротах» на курорте Мишкольц–Тапольца. «Сказочные полусвещенные гроты в сочетании с шумом водопада притекающей теплой воды производят внушительное впечатление»⁴. Подобный стиль изложения не характерен для отчетов. Но даже на посещение обычного бассейна, которое венгры часто включали либо в обязательную, либо в дополнительную программу, путешественники почти всегда реагировали положительно: «купание было необыкновенно приятным и после трехчасового пребывания в бассейне не хотелось уходить»⁵. В Ленинграде это удовольствие было почти недостижимо. В 1955 г. в городе работало всего 3 бассейна, в 1960–4, и основными посетителями их были спортсмены, а не любители⁶.

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 1069. Л. 15 об.

² Там же. Д. 853. Л. 15. Схожие впечатления испытывали в Польше и туристы из Крыма, на которых информация о том, что более 90% поляков являются верующими католиками, действовала «удручающе» (См.: *Понов А.Д.* Указ соч. С. 54).

³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 1067. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 4–5. См. также: Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 28. Единственная критика последовала со стороны ленинградских машиностроителей, оставшихся разочарованными после посещения бассейна в Дебрецене: они попали во время занятия с детьми, поэтому уровень воды был равен всего метру (Там же. Л. 2).

⁶ Очерки истории Ленинграда. Т. 6. Л., 1970. С. 285.

В Венгрии, но по большей части в Чехословакии, советским туристам предлагали еще одно развлечение — посещение варьете. Руководители групп, как правило, лишь упоминали это мероприятие, причем путались в его названии (варьете, варьэте) и определении («эстрадное представление с сочетанием ужина», «концерт на местные темы»)¹. Особняком стоят те отчеты, в которых вместо варьете употребляется другое слово: кабаре², хотя речь идет, как явствует из текста, об одном и том же явлении. Такая путаница в определении и орфографии лишний раз доказывала непривычность зрелища для Советского Союза. Отсутствие оценок (лишь единственный раз было заявлено, что замена театров «двумя фильмами в Польше и Кабаре в Чехословакии не была равноценной»³) в отчетах можно отнести на жанр этого документа. Вероятно, в записях личного характера (о ведении туристами дневников или иных записей сообщают многие руководители) впечатления все же присутствуют.

Замены в программе туристского маршрута возникали нередко, вызывая неоднозначную реакцию путешественников. Но более чем для половины групп, судя по отчетам, появлялась возможность провести дополнительные мероприятия. Инициатива исходила от местных туристских фирм, членов обществ дружбы и, в немалой степени, от самих туристов. Последнее чрезвычайно важно, ибо выявляет действительный интерес советских граждан к истории и современности страны посещения.

Приехавшие в мае 1961 г. в ГДР ленинградские туристы пожелали отправиться в г. Веймар, где посетили дома-музеи и могилы И.В. Гёте и И.Ф. Шиллера⁴. А ленинградские строители весной 1961 г. с удовольствием посидели в Праге в кабачке «У чаши», «описанной Гашеком»⁵. Популярность «Похождений бравого солдата Швейка», изданных на русском языке только в послевоенные годы общим тиражом свыше 1,2 млн. экземпляров, в СССР была высокой.

Но гораздо больше в отчетах свидетельств о других дополнениях к программе. Медики Северной столицы, насчитывавшие почти 70% от всего состава туристской группы (22 чел. из 32), в марте 1961 г. в Венгрии дополнительно посетили три клиники будапештского медицинского института, в г. Эгар — лечебные бассейны, а в г. Дебрецен — медицинский

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 853. Л. 68, 83.

² В известном словаре Ожегова под варьете понимается «театр легкого жанра», а под кабаре — «небольшой ресторан с эстрадой», с оговоркой: «в буржуазных странах» (См.: Ожегов С.М. Словарь русского языка. М., 1984. С. 60, 223). Вряд ли авторы отчетов учитывали эту разницу.

³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 854. Л. 39.

⁴ Там же. Д. 1068. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 1071. Л. 10.

университет, где «ознакомились с подземными коммуникациями между отдельными клиниками и подробно с акушерско-гинекологической клиникой». Переехав в Румынию, они побывали в бухарестском институте геронтологии им. Пархона, где им «рассказали о лечении стариков, исходя из концепции, что старость — это болезнь, показывали стариков от 80 до 114 лет¹». Башкирские колхозники, присоединившиеся к группе ленинградцев в г. Чоп для совместного путешествия по Венгрии в декабре 1960 г., ознакомились «с состоянием и организацией сельскохозяйственных работ страны» в ближайшем от г. Дебрецен венгерском колхозе², а ленинградские строители «вне плана» в начале сентября того же года встретились с польскими коллегами на строительстве жилых домов. «Знакомство со строительством, беседы с рабочими стройки, обмен опытом, — отмечалось в отчете. — Турист, слесарь тов. Рожанский А.А. поделился опытом с начальником строительства в части нового метода монтажа радиаторных батарей в жилых домах. Столяр Вихров А.Н. поделился опытом изготовления легкого инструмента для отделочных работ и т.п.»³. В этом отчете не упоминалось о встречных производственных секретах со стороны польских строителей, но пищевики Ленинграда привезли с собой образцы для своих кондитерских предприятий, полученные ими во время незапланированной встречи с кондитерами Праги и Братиславы в феврале 1961 г.⁴.

подавляющее большинство отчетов содержит краткую информацию об объектах, вызывавших профессиональный интерес, и только в одном случае — в отчете туристов из машиностроительной отрасли Ленинграда — дано подробное, занимающее пятую часть всего текста описание посещения станкостроительного завода на венгерском полуострове Чепель. Здесь зафиксированы общее количество работающих и их зарплата, расписание смен и соотношение женского и мужского труда... Некоторые вещи были явно непривычны для наших рабочих: «Нормы не перевыполняются, так как „честная норма“ является технически обоснованной расчетной нормой, рассчитанной на использование лишь 3% баланса рабочего времени на личные надобности». Даже приблизительный подсчет показывал, что на перекуры практически не оставалось времени.

Кроме коллективных посещений (всей группой или частью ее) дополнительных мероприятий чуть ли не в половине отчетов встречаются

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 1070. Л. 1, 3. Посещение института им. Пархона входило в некоторые маршруты путешествия по Румынии, однако даже если оно носило факультативный характер, неизменно вызывало интерес советских туристов.

² Там же. Д. 1067. Л. 19.

³ Там же. Д. 1069. Л. 21.

⁴ Там же. Д. 1071. Л. 1.

сведения об индивидуальных встречах туристов со своими коллегами. Большой частью это касалось творческой или научной интеллигенции. Таким образом, профессиональный интерес преобладал над интересом культурно-развлекательным. Конечно, в какой-то степени это реакция на программные мероприятия, среди которых соотношение было противоположным. Нельзя упускать из виду и требование, сформулированное еще постановлением ЦК КПСС от 3 января 1956 г.: «...советские туристы направляются за границу не только для отдыха, но и для ознакомления с жизнью других народов и достижениями зарубежной науки и техники»¹. Возможно, перед поездкой об этой рекомендации партийных органов туристам напоминали специально. Но нельзя исключать и искренний профессиональный интерес, отличавший передовую часть рабочих, служащих и интеллигенции от своих коллег по работе.

Как уже упоминалось, в отчетах обязательно требовался ответ на вопрос о качестве обслуживания, включающего вопросы питания, размещения и транспорта. В подавляющем большинстве случаев руководители групп отделялись общими словами о доброкачественном, разнообразном (или единообразном), обильном, сытном, удовлетворительном питании, но в редких случаях раскрывали свои характеристики. И здесь явственно выделяются две линии откликов. С одной стороны, похвала болгарам за блюда национальной кухни, а также за включение в меню овощей и фруктов². С другой — жалобы на «засилье» мясных блюд. Похвалив немецких кулинаров, руководитель туристской группы, посетившей ГДР в июле 1960 г. в составе «поезда дружбы», Г.А. Штюрмер добавил: «Следует лишь учесть особенности нашего питания: не злоупотреблять колбасно-мясными „коктейлями“ и давать больше жидкости (соки, лимонад, кофе, чай) и перед едой»³. «Супы не нашей кухни и много колбасы и мяса, но отсутствует рыба»⁴, «...только мясные блюда, рыба была очень редко, а молочных продуктов и яиц не было совсем»⁵ — эти сведения характерны, ибо показывают не столько негативную реакцию туристов, сколько открытие ими другой структуры питания, видимо, не совсем привычной для советского горожанина.

¹ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 13. Д. 36. Л. 10.

² ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 1066. Л. 6. 13; Д. 1072. Л. 2, 3, 22.

³ Там же. Д. 851. Л. 24.

⁴ Там же. Д. 1260. Л. 13.

⁵ Там же. Д. 1070. Л. 15–16. «...В группе было несколько человек больных с диагнозом по поводу расстройства желудочно-кишечного тракта. Руководителем группы неоднократно ставился вопрос перед руководством ресторана о разнообразии блюд», — отмечалось далее в отчете. При отъезде из Румынии все пожелания М. Козырева через гида-переводчика передала в отделение «Интуриста» «Карпаты» (Там же. Л. 16).

Важной стороной, свидетельствовавшей о качестве обслуживания, являлось состояние гостиничного хозяйства. Поскольку некоторые группы ездили не в одну страну, а в две и, кроме того, останавливались во время путешествия не в одной, а в двух–трех и более гостиницах, то в отчете могло содержаться несколько откликов о местах ночлега, и положительных, и отрицательных. По нашим подсчетам, из 90 отчетов в 39 руководители групп обошли этот вопрос молчанием, а в остальных отчетах голоса «за» и «против» разделились в соотношении 2 к 1. Иными словами, в 41 случае обслуживание было признано отличным¹, хорошим или удовлетворительным, а в 21 случае возникали обоснованные претензии: и не только на грязные номера, перебои с водой, отсутствие ванн, рваные полотенца, но и на чрезвычайное любопытство горничной, которую турист застал в своем номере роющей в его чемодане, на вылитые духи из флаконов, в которые была залита вода...² Но настоящее изумление испытали советские туристы, когда весной 1960 г. в чехословацких гостиницах обнаружили в номерах на двух человек одну двуспальную кровать, правда, «с отдельным бельем, подушками и одеялами». Поскольку семейных пар в группе традиционно было немного, то в такие номера пришлось селить по двое мужчин или по две женщины, и «это обстоятельство вызывало у туристов чувство неудовольствия». Обратившись к начальнику «поезда дружбы» представителю «Интуриста» П.П. Романову, руководитель группы Н.В. Молчанов услышал в ответ, что такая ситуация неизбежна, поскольку в поезде приехало много групп³. Однако подобное неудобство испытала той же весной группа ленинградских туристов, приехавшая в Румынию отдельно, а не в составе «поезда дружбы»⁴. Сообразительный руководитель группы, сформиро-

¹ Самым восхищенным в этом отношении стоит признать отзыв ленинградской группы строителей, руководитель которой О.А. Никифорова писала в отчете об обслуживании в Чехословакии в марте–апреле 1961 г.: «Как характерную деталь даже в мелочах следует отметить, напр[имер], смену полотенец по два раза в день, наличие в номере кусочков душистого мыла по числу помещаемых, снабжение бутербродами, шоколадом, печеньем и вафлями туристов при продолжительности переезда без питания в течение более 4-х часов. Исключительно чистое накрахмаленное белье во всех без исключения гостиницах. В поездах и гостиницах все санузлы и умывальники обеспечены туалетной бумагой и полотенцами в гостиницах, часто меняемыми, а в поездах бумажными» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 1071. Л. 14).

² См., например: Там же. Д. 850. Л. 16; Д. 1066. Л. 10; Д. 1070. Л. 2.

³ Там же. Д. 853. Л. 35.

⁴ Там же. Д. 854. Л. 2. В гостинице «Виктория» румынского г. Яссы ленинградским и тамбовским путешественникам в октябре 1961 г. были предложены двойные номера, в которых постель была «застелена одним одеялом» (Там же. Д. 1070. Л. 21). К сожалению, руководитель группы лишь отметил это в числе прочих недостатков, не сообщив о реакции путешественников.

ванной из членов Ленинградского Дома ученых, требовал от персонала чехословацкой гостиницы ставить в номер дополнительную кровать, и «этим самым изживалась неприятность»¹. Если остальные плюсы и минусы гостиничного сервиса еще можно было сравнивать с советским, то двухспальные кровати, кажется, выпадали из этого ряда и явились настоящим открытием для советских туристов.

Существенную роль в восприятии «другого» советскими туристами играли гиды-переводчики и экскурсоводы, так как знанием болгарского, венгерского и прочих языков стран народной демократии похвастать могли немногие из путешественников. Работу гида и экскурсоводов также рекомендовалось оценивать в отчетах, но в 41 отчете руководители не сочли нужным это сделать. Зато в оставшейся половине положительные и отрицательные оценки разделились почти поровну. Это, безусловно, показатель работы гидов-переводчиков, но для нас в данном случае важнее ответить на вопрос: за что ленинградские туристы их хвалили и ругали?

Две трети положительных отзывов укладываются во фразы, ключевыми словами в которых были: внимательность, чуткость, забота, добросовестность или их синонимы. Это было закономерно, ибо гиды занимались всеми вопросами, связанными с путешествием, а не только выступали переводчиками. Треть положительных откликов касалась интеллектуального багажа сопровождающих. «Квалифицированный», «хорошо и всесторонне знает Чехословакию», «прекрасно знающий историю»² — эти и подобные им эпитеты выявляют другую сторону ожиданий туристов, не менее важную, чем первая. В справедливости этого утверждения можно убедиться, обратившись к претензиям, предъявляемым путешественниками к своим сопровождающим. Здесь более половины критических отзывов приходится как раз на недостаточную квалификацию, малоопытность, примитивный перевод, незнание или слабое знание истории или достопримечательностей своей страны³. В какой-то степени эти характеристики объяснялись плохим или недостаточным знанием гидами русского языка. Нередко в качестве сопровождающих выступали студенты, которые таким образом практиковались в улучшении русского языка, что, впрочем, мало успокаивало путешественников. Но акцентирование внимания в отчетах на хорошее или, наоборот, плохое знание гидами истории и культуры своего отечества позволяет предположить, что многие советские туристы ехали в путе-

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 854. Л. 21.

² См., например: Там же. Д. 849. Л. 25; Д. 853. Л. 34, 59; Д. 854. Л. 20; Д. 1066. Л. 26; и др.

³ См., например: Там же. Д. 851. Л. 11, 20, 43; Д. 853. Л. 91; Д. 854. Л. 32, 39, 45; Д. 1068. Л. 18; Д. 1070. Л. 171; и др.

шествие в определенной степени подготовленными, ибо могли оценить уровень образованности своих переводчиков. В пользу такого предположения говорит и социальный состав ленинградских групп: большинство туристов составляли инженерно-технические работники, служащие разных ведомств и учреждений и интеллигенция. Правда, багаж их знаний формировался, видимо, в основном самостоятельно. В отчетах встречаются предложения знакомить перед выездом «с материалами о стране», «с перечнем литературы», «прочсть лекцию», чтобы «подготовить группу к восприятию того, что должны увидеть и услышать в стране»¹.

Гид воспринимался как полпред страны посещения, но на протяжении недели–двух туристы встречались и с другими жителями этого государства. Большинство встреч — с членами соответствующего общества дружбы с СССР, а также на предприятиях, в сельскохозяйственных кооперативах и учреждениях — были запланированы программой поездки. Как правило, в отчетах их описанию уделено немного места и чаще всего руководители использовали одни и те же слова в разных вариантах: «теплая дружественная встреча», «сердечная товарищеская радостная встреча», «хорошая теплая обстановка», «радушный прием». Было ли это простой отпиской? И да и нет. Краткости располагал сам жанр отчета, но одновременно сжатость формулировок свидетельствует и об определенной официозности ряда встреч². Иногда руководители групп все же не ограничивались односложными ответами и в нескольких строчках обосновывали свои выводы. «На короткое время (2–2,5 часа) туристы были приглашены на обед в семьи, по одному советскому туристу на семью. После этого собрались на вечер, где был дан концерт местной самодеятельности и устроены танцы. Многие обменялись адресами

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 850. Л. 26.

² В некоторых отчетах не все контакты расценивались как встречи с населением. Так, А.С. Басинов, староста группы, в июле–августе 1960 г. путешествовавшей по Венгрии, упомянув о встречах с представителями Общества советско-венгерской дружбы и работниками завода малолитражных мотоциклов, далее сделал вывод: «встреч (с населением. — А. Ч.) не было, если не считать посещения завода в Эгере» (Там же. Л. 11, 13). Работники Управления хлебопекарной промышленности Ленинграда, выехавшие в мае 1960 г. в поездку по Чехословакии, заявили в отчете об отсутствии встреч с населением вообще, хотя абзацем выше шел рассказ об осмотре «двух хлебозаводов в Голиновицах, где нам была устроена встреча, пообедали на хлебозаводе, посетили старую пражскую пивную, где был дан хороший ужин совместно с пекарями г. Праги», и о других аналогичных мероприятиях, включая «прощальный ужин», на котором присутствовал актив пражских пекарей (Там же. Д. 853. Л. 61). Отсюда следует, что руководители групп (и, вероятно, остальные туристы) понимали разницу между подготовленными и случайными собеседниками.

для дальнейшей переписки»¹, — сообщал руководитель группы туристов, посетивших чехословацкое село Саталица в марте 1960 г. Все остальные пояснения в изученных документах характеризовали встречи также положительно. Исходя из этого, можно предположить, что рассказы о «теплых», «товарищеских» общениях в основном соответствовали действительности. Если же на встречах возникали нестандартные ситуации по вине туристов или местных жителей, то о них в отчете писали отдельно и более подробно, чем о бесконфликтных.

Таких сообщений в изученных отчетах немного. Оставив в стороне рассказы о неадекватном поведении туристов или местных жителей во время встреч под влиянием алкогольного опьянения, обратимся к сообщениям, имевшим, по мнению руководителей, «политический» оттенок. Г.А. Штюмер, описывая встречу туристов с работниками одного из лейпцигских заводов 30 июля 1960 г., сообщал, что сидевший с ним за столом полицейский офицер (муж работницы завода) стал уговаривать инженера-холодильщика Лашутину остаться в ГДР работать, так как «тут много хороших людей». «Разговор шел через меня, — далее писал Штюмер. — Я сказал, что у нас хорошо дома, много хороших людей, интересная работа и что нам незачем оставаться в Германии²». Неприятные минуты пережили ленинградские туристы во время вечера дружбы 22 апреля 1961 г. в одном из сельскохозяйственных кооперативов под Брно в Чехословакии. «...После официального вечера, когда мы осматривали хозяйство, — писал в отчете руководитель С.З. Хазанович, — остановились у памятника советским воинам-освободителям, одна молодая чешка, лет 19, громко выкрикнула, что она сейчас слушала радио, которое передало, что Гагарин ослеп. Это сообщение вызвало секундное замешательство всех присутствующих. А когда я шутя спросил: „А какое радио Вы слушали?“ — девушка моментально удалилась. Ей никто не поверил. Одна пожилая чешка подошла к нашему туристу Аникину и пыталась его убедить, чтобы мы не очень-то верили в те теплые слова, которые высказываются в адрес советского народа. Мы в вежливой форме дали ей соответствующий ответ. Эти примеры свидетельствуют, что в любых случаях турист должен быть готовым ко всяким неожиданностям»³.

Если во время коллективных встреч руководителям и активу удалось почти всегда контролировать своих «подопечных», то в индивидуальной работе они не каждый раз одерживали победу. Поскольку подразумевалось, что советский турист за границей представляет не только себя, но и свою страну, он должен был следовать определенно-

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 854. Л. 8.

² Там же. Д. 851. Л. 23.

³ Там же. Д. 1071. Л. 3.

му кодексу поведения. В свободной форме его требования великолепно излагались в одном из отчетов: «Все были очень прилично одеты¹, следили за собой как в части поведения, так и в части внешнего вида. В ресторанах, на улицах, в магазинах и других местах все держались непринужденно, охотно поддерживая разговор, но знакомств не заводили. Прогулки по городу, а также посещения магазинов совершались группами по 3–4–5 человек»².

Сколько было туристов, не соблюдавших указанные нормы поведения? Судя по изученным отчетам, из 2479 путешественников — всего 45 (1,8%). Сюда включены все «прегрешения», которые так или иначе выходили за рамки группы и могли быть увидены или услышаны местными жителями. Сами проступки варьировались от нетактичных высказываний в адрес гида, персонала в гостинице или продавца в магазине до отлучек, о которых не был поставлен в известность руководитель группы. В отчеты вошло осуждение туристки И.М. Петрушанской, просившей в магазинах Будапешта «показывать те вещи, которые не могла купить, так как их стоимость превышала наш бюджет»,³ и туриста Г.Н. Новикова, вместе с другими туристами летом 1960 г. зашедшего — несмотря на предупреждение — на территорию Западного Берлина, «откуда они без посторонней помощи вышли»⁴. Но больше всего нареканий было на неразрешенные знакомства⁵. Безусловно, сейчас невозможно усмотреть криминал в поведении ленинградского инженера, которая «почти всю ночь простояла в коридоре вагона с неизвестным мужчиной (румын)»,⁶ или помощника машиниста экскаватора, приехавшего из гостиницы на гору Витоша под Софией не с остальными туристами, а на машине

¹ Руководитель ленинградской части туристской группы, путешествовавшей вместе с саратовскими колхозниками по Румынии и Болгарии в марте 1961 г., с возмущением писал, что «все члены саратовской группы были в том, в чем они ходят в быту». «Как они мне сказали, — продолжал А. Августынюк, — у них дома есть выходные костюмы. Почему же никто из них не взял с собой эти костюмы? Потому что Саратовский облсовпроф ничего об этом никому не сказал. Одному из туристов саратовской группы пришлось отдать свой галстук, так как даже этого у некоторых из них не было, ходили с расстегнутыми воротами» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 1072. Л. 7). Как тут не вспомнить героя знаменитой советской кинокартины «Любовь и голуби», который, узнав, что его жена развязала узел на галстук, трагически восклицает: «Кто ж его теперь завяжет?» И после паузы добавляет обреченно: «Всё! Съездил на курорт!»

² Там же. Д. 1067. Л. 35.

³ Там же. Д. 850. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 851. Л. 34.

⁵ См., например: Там же. Д. 854. Л. 3; Д. 1066. Л. 10, 14; Д. 1070. Л. 17; Д. 1071. Л. 3; и др.

⁶ Там же. Д. 1070. Л. 22.

и «с опозданием с двумя (местными. — А.Ч.) парнями»¹. Но в те годы подобное поведение могло закрыть для туриста всякую возможность новой поездки за границу: такие рекомендации, в том числе и для помощника машиниста, присутствуют в некоторых проанализированных нами документах. Стремление к новым знакомствам — естественная потребность человека, поэтому не случайно во многих отчетах в качестве пожелания высказывалась необходимость организации встреч с местным населением. Понятно, что речь шла не об официальных приемах, а о непосредственных контактах, когда можно было не только обменяться мнениями о производственном опыте и социалистическом соревновании, но и узнать о повседневной жизни собеседника.

Все же стоит отметить, что процент нарушителей был незначителен, и причиной тому не только страх (хотя, безусловно, он играл не последнюю роль) стать невыездным или получить неприятности на работе. Большинство туристов ехало не за тем, чтобы попытаться под видом подарка обменять капроновые чулки и духи на отрез материи², а для того, чтобы увидеть воочию те достопримечательности, о которых они раньше только читали. И критическое отношение к знаниям гидов явное тому подтверждение. Нельзя сбрасывать со счетов и элементарное воспитание, которое не позволяло себя вести неподобающим образом.

Подчеркнув еще раз специфичность проанализированных отчетов, отметим, что они все же дают определенные сведения о советских (в частности ленинградских) туристах, путешествовавших по европейским странам народной демократии в начале 1960-х гг., представляя в обобщенном виде их как людей, интересующихся историей и культурой стран посещения, тянущихся к познанию современной жизни жителей этих государств и в основном соблюдающих нормы поведения, рекомендованные партийными и иными органами, контролировавшими зарубежные поездки.

¹ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 1066. Л. 9.

²Там же. Д. 854. Л. 41.